

ПОЕДИНОК

Я лежал, уткнувшись носом в тёплый песок. Песчинки были мелкие и противные, при вздохе щекотали ноздри, но ровили перекрыть доступ воздуха в лёгкие. Я перевернулся на спину и открыл глаза. Надо мною вместо привычного неба нависало какое-то мутное марево желтоватого цвета. И это были не облака, а именно равномерно святающееся, непонятное месиво. Свет, исходивший из него, напоминал свечение плоского потолочного светильника, закрытого толстым матовым стеклом. Поражённый, я начал медленно подниматься и обнаружил, что раздет. Находился, собственно говоря, в чём мать родила. Даже цепочка с крестиком, которая всегда висела на шее, исчезла. Несмотря на голый вид, я не чувствовал никакого дискомфорта, было тепло, температура воздуха идеально соответствовала потребностям моего организма.

Я встал и с изумлением оглядел бесконечную песчаную равнину. Глазу было не за что зацепиться. Воздух в окружающем пространстве был полностью неподвижен, без намёка даже на лёгкое дуновение ветерка. Неожиданно, будто прямо в голове раздался голос:

— Землянин!

Я испуганно огляделся. Ничего не изменилось. Как была полная неподвижность и тишина, так и осталась. А между тем голос в голове продолжал звучать:

— Ты абсолютно типичный представитель так называемого вида хомо сапиенс. Мужского рода, среднего возраста и интеллектуального потенциала, со средним здоровьем и физическими кондициями. Поэтому и выбран моей пространственно-временной сущностью для тестового эксперимента. Понятно?

— Да, всё понятно! — механически ответил я вслух. Хотя на самом деле ничего не понимал. В голове путались мысли: «Вот же чёрт, неужели я попал в плен к инопланетянам? А как же теперь мои жена, дочка? И дача не достроена? Ведь я же собирался до осенних дождей доделать крышу!»

Раньше я никогда не верил рассказам про инопланетян, даже очевидцам, будто бы лично видевшим летающие тарелки. А уж рассказы людей, побывавших в плену у зелёных чело-вечков, были мне просто смешны. Особенно когда в интервью по телевидению бывшие контактёры с внеземным разумом начинали бредить про эксперименты, которые над ними про-водили инопланетяне. Одним словом, был полностью психи-чески устойчив и совершенно уверен, что вся эта навязчивая информация с экрана телевизора и с монитора «компа» имеет только одну цель — хитрым образом залезть в мой кошелёк. И вот я сам оказываюсь чёрт знает где и слушаю фиг знает кого.

«Ужас! О Боже, чем же я тебя прогневал», — мысленно запричитал я и при этом истово крестился.

Голос пространственно-временной сущности дал мне не-которое время для того, чтобы прийти в себя. И где-то минут через пять он опять начал вещать прямо в моей голове:

— Давление в твоём организме нормализовалось, сердцеби-ение успокоилось, гормональный фон в обычном состоянии — значит, ты можешь дальше прослушать и усвоить вводную информацию.

Я действительно немного успокоился и уже мог адекватно воспринимать смысл слов, звучащих в моей голове. Только подсознание судорожно искало объяснение и выход из этой ситуации. А голос между тем звучал дальше:

— Так слушай, землянин! В этой области пространства сформировались два вида разумных существ. В процессе даль-нейшего развития вы непременно встретитесь друг с другом. Мой анализ показывает, что в конечном счёте произойдёт конфликт с последующим взаимным уничтожением обеих цивилизаций. Этого допустить нельзя, поэтому я решил про-

вести этот эксперимент. Суть его в следующем: нужно выявить наиболее жизнеспособную расу, которая в силу своих физических и умственных способностей может и дальше успешно развиваться в этом секторе пространства. От каждой из двух цивилизаций выбрано для своеобразного состязания по выживанию по одному представителю. Раса индивидуума, который проиграет это состязание, будет уничтожена.

Последние слова опять ввели меня в транс, и голос снова дал мне возможность прийти в себя. Только когда я немного отдышался, он продолжил:

— Условия у вас совершенно одинаковы. Вы находитесь вдали от своих миров, но для нормального существования ваших организмов созданы идеальные условия. Лаборатория разделена на две половины, где на каждой воссозданы требуемые физические параметры. Половины разделены кварково-психотронным полем, через которое невозможно проникнуть живым организмам и молекулам ваших миров. Эту искусственно созданную преграду может преодолеть только то, что принадлежит этому миру и в данный момент находится в лаборатории. Так что физически вы помериться силами не сможете. Но это, землянин, тебя должно только радовать, потому что кошмардянин гораздо сильнее и крепче тебя физически. Все предметы, из которых можно сделать метательное оружие, в лаборатории отсутствуют. Из материальных тел имеется только песок и по одному ковшу у каждого из состязающихся. Этим ковшом вы можете черпать воду из чаши, которая находится в самом центре лаборатории. Место её расположения обозначено зелёным световым столбом. До воды каждый из вас сможет дотянуться своим ковшом. Но здесь есть один нюанс, воды будет поступать ровно столько, чтобы напоить только одного из вас. Пищи не будет совсем. Таким образом, это состязание ограничено временными рамками. Тот из вас, кто не выдержит испытания жаждой и голодом — умрёт и, естественно, проиграет это состязание. Физически вы оба, как ты, так и кошмардянин, можете обходиться без воды и пищи одинаковое количество времени. Поэтому всё будет

зависеть от воли, инстинктов выживания, сообразительности и умения воспользоваться ими для овладения единственно доступным для вас ресурсом — водой. Всё, землянин, эксперимент начался, прояви неистовое стремление жить, и тогда ты вновь увидишь свою самку и детёныша!

После этих слов в голове всё стихло, и я сразу же ощутил страшную жажду. Уже ничего не соображая, бросился в ту сторону, где пульсировал зеленоватый луч света. До него было метров триста. Подбежав, увидел возле светового круга ковш с длинной, более метра ручкой. Схватив его, я, не рассуждая, просунул этот черпак сквозь световые лучики, окружающие каменную чашу, и зачерпнул из неё воды. Вытащив ковш, я тут же его опорожнил. Ещё не успев проглотить содержимое, с полным ртом воды, я вторично сунул черпак к чаше, чтобы забрать оставшуюся воду. Но тут это единственное, драгоценное средство для поддержания жизни, было с неожиданной силой выбито из моей руки. Инстинктивно я прыгнул, чтобы поймать ковш, катившийся к чуть мерцающей, прозрачной стене. Буквально чудом, боднув головой силовое поле, я его успел схватить. Как только ковш оказался в моей руке, я ощутил удар по голове. Не сильный, но неожиданный, отчего весь сжался и откатился подальше от стены силового поля.

Ничего не соображал секунд пять, приходил в себя. Потом принял сидячее положение и посмотрел в сторону источника жизненной силы. Возле него стояло нечто и медленно из ковша цедило мою воду. Ярость буквально затопила мозг. Набрав полные горсти песка, я подскочил вплотную к мерцающей стене и бросил это единственное метательное средство прямо в рожу монстра. В ответ чудище злобно оскалилось, в один глоток допило воду и со всего размаху, прямо сквозь силовое поле ещё раз долбануло меня по лбу ковшом. Славу богу, он был лёгкий, изготовлен из неизвестного мне материала, похожего на металл, поэтому удар был не очень сильный, и пошёл мне только на пользу, заставив быстрее соображать и анализировать создавшееся положение.

В первую очередь я обратил внимание на черпак, которым меня огрели по башке. Он у существа на противоположной стороне прозрачной стены оказался скреплён с рукой каким-то шнуром. Я посмотрел на свой черпак. У него на конце ручки тоже был намотан шнур. Только теперь я догадался о его предназначении. Дурак! Это же специальная петля, чтобы черпак нельзя было сразу выбить из руки. Наш экзаменатор полностью продумал все ситуации, которые могли возникнуть. Он дал возможность самому сообразительному победить уже в начале поединка. Хорошим ударом можно было выбить из рук это средство поддержания жизни, а если бы черпак при этом попал на территорию за силовой стеной, всё — поединок закончен. Через несколько дней обезвоженный организм можно будет утилизировать, а за ним и сородичей неудачника. Мне сильно повезло, что этого не случилось. Мгновенная реакция позволила избежать этого конца.

Ругая и одновременно внушая себе — больше никаких необдуманных поступков в угоду своим животным инстинктам, я начал изучать своего соперника. Он тоже, усевшись на песок, буравил меня своими сегментарными, как у мухи, глазами. Внешне этот монстр производил пугающее впечатление. И в первую очередь давила на психику его харя. Да, вот именно харя, она была похожа на морду повидавшего виды хряка. Как будто на торс здорового негра надели голову мощного одомашненного кабана, а вместо свинячьих глаз вставили в тысячи раз увеличенные органы зрения мухи. Руки у этого монстра, впрочем, так же как и ноги, были мощны и мускулисты. Пальцев было по шесть на каждой конечности. Ростом он был больше двух метров, именно так я оценил его, когда бросал песок, целя в эти мушиные глаза. Одним словом, жуть, такого увидишь во сне, и без успокоительных таблеток или капель никогда больше не уснёшь.

Так мы сидели, переглядываясь, наверное, больше часа. Потом я встал и подошёл к источнику, он тоже. Воды в чаше не было. Я уселся практически вплотную к световому кругу и стал ожидать появления благословенной влаги. Монстр, ко-

торого я про себя начал называть Свинтусом, сначала стоял неподвижно и наблюдал за мной. Потом, подойдя вплотную к кругу зелёного света, попытался очередной раз достать меня своим черпаком. Конец его поварёшки просвистел сантиметрах в пяти от моей головы, и это при том, что он увеличил длину черпака, держа его за шнур. Больше попыток достать меня он не делал. Свинтус, так же как и я, уселся на песок и стал ожидать появления воды.

Сколько часов продолжалось это сидение, я не знаю. Никаких зацепок, чтобы определить время, не было. Освещение было постоянное, температура тоже, стояла полная тишина, звуки с противоположной стороны барьера ко мне не проникали. Я вошёл в какое-то аморфное состояние. В голове билась только одна мысль: «Парень, не вздумай проспаться воду! Только это может тебя поддержать и не дать этой твари выиграть поединок».

В серьёзности всего этого эксперимента я уже несколько не сомневался. А сомневался я только в своих силах и в способности задавить животные инстинкты организма. В этой ситуации они не помощники, могут только помешать найти верное решение.

Появление воды я чуть не проспал, но краем сознания заметив чуть видный блеск в чаше, молниеносно вскинул свой черпак и попытался наполнить его водой. Но не тут-то было, как и в прошлый раз, я ощутил удар, и снова моё единственное средство для выживания отлетело в сторону. Только благодаря шнуру оно не вывалилось из моей руки. Пока я восстанавливал равновесие и перехватывал черпак, Свинтус спокойно наполнил свою поварёшку, и в данный момент времени, прямо на моих глазах струя живительной влаги, совершенно недоступная для меня, безостановочно вливалась в его пасть. Я потянулся было за остатками воды в чаше, но Свинтус к этому времени уже успел опорожнить свой ковш и, увидев, что я потянулся к источнику, опять попытался ударить по моему черпаку. Но я уже ожидал этого и быстро отдёргнул черпак. Только поварёшка Свинтуса пронеслась мимо, я сунул свой

ковш в чашу и собрал в него остатки воды. Но быстро выдернуть его из зоны, куда мог достать Свинтус, мне не удалось, он всё-таки успел зацепить мой ковш своей поварёшкой. Часть воды выплеснулась, так что до своего рта мне удалось донести только несколько жалких глотков.

После этого поединка мы опять уселись на песок напротив друг друга и совсем рядом с источником. Мне уже стало ясно, что такими методами мне этот поединок ни за что не выиграть. Свинтус был сильнее, быстрее и, пожалуй, сообразительнее, чем я. С горечью осознавая это, я попытался вступить с ним в контакт. Начал рисовать на песке различные формулы и знаки, подходил почти вплотную к барьеру и выкрикивал Свинтусу различные предложения. Смысл всех слов и знаков был один: парень, мы же разумные существа, давай по-доброму договоримся и поделим по-братски воду. Ведь пространственно-временная сущность наверняка блефует, воды на самом деле больше, чем на одного, и если мы будем джентльменами — этой влаги хватит на обоих. Наш экзаменатор только и ждёт, когда мы договоримся. Он поймёт, что так же договорятся и наши цивилизации. Поэтому он оставит всё как есть, и мы будем счастливо жить со своими родичами. В конце каждой своей речи я добавлял:

— Пойми, Свинтус, если пространственно-временная сущность так могущественна, зачем ей уничтожать разумные существа, стоящие ниже её по развитию на много порядков?

Так я разорвался по моим представлениям часа четыре, даже покрылся потом, несмотря на начавшуюся уже ощущаться нехватку влаги в организме. Когда я, уже вконец обессиленный, повалился на песок, в моей голове начали звучать исковерканные русские слова, но смысл их понять было можно так:

— Козьявка, ты и подобные тебе существа недостойны существовать. Вы пожираете сами себя и гробите место своего существования. Бедная ваша планета вздохнёт с облегчением, когда освободится от такой скверны, какой являетесь вы — мерзкие слизняки. Вы не обладаете даже такой элементарной вещью, как общение на расстоянии, как же вы можете договориться

между собой. В душе твоей я почувствовал следы ненависти и презрения к своим же сородичам. Ты просто переполнен завистью к другим, более успешным человеческим существам, и с радостью бы принял факт их уничтожения божественной силой. Нет, не достоин ты жизни. Так хотя бы умри достойно.

После этого телепатического сеанса Свинтус встал, перешёл поближе к источнику и изготовился добывать воду. А я на все его телепатические слова только и смог, что в бессильной злобе вслух прокричать одно из матерных предложений в его адрес и наивное по своей сущности оправдание:

— Зато, Свинятина, у нас есть сотовая связь и интернет, и мы не нуждаемся во всяких там телепатиях.

Понятное дело — злость, уязвлённое самолюбие и обида на судьбу, но пить хотелось страшно. Поэтому я тоже поднялся, подошёл к источнику и приготовился вступить в схватку за обладание хотя бы несколькими глотками воды. Ожидание этого момента продлилось больше часа, наконец, вода появилась, и мы начали бой. На этот раз длился он несколько минут. Мы как рапиристы фехтовали нашими ковшами, в итоге победил опять Свинтус. Ему достался полный ковш благословенной влаги, а мне опять только несколько глотков.

Уныние и тоска переполняли меня. Я уже чувствовал подступающую слабость, а боров оставался таким же сильным, как и в самом начале нашего противостояния. В полном отчаянии я пошёл прочь от стены, разделяющей нас со Свинтусом. Так я шёл по песчаной пустыне часа три. Внезапно в этом монотонном пейзаже возникло какое-то изменение. Мне показалось, что вдали свет начал подрагивать. Это было хоть каким-то ориентиром, и я ускорил шаг.

Через полчаса вышел к так заинтересовавшему меня месту, где происходил феномен изменения окружающей среды. Это оказалась небольшая выпуклость в ровной песчаной поверхности. От неё разило жаром, горячий поток воздуха вырывался из этой, можно сказать, дюзы. Да, эта выпуклость чем-то напоминала дюзу реактивного самолёта. Метрах в десяти за ней угадывалось мерцание силового барьера. Оглядевшись, я на

границы видимости разглядел ещё одно такое же дрожание воздуха. Скорее всего, там находилась ещё одна дюза.

Ну вот, похоже, я добрался до конца этой лаборатории, а по периметру её, видимо, располагались обогревающие это колоссальное помещение своеобразные калориферы. Я в изнеможении опустился на песок. Стремиться стало некуда, к появлению воды я уже не успеваю. А когда, обессиленный, я приду к источнику, Свинтус, употребив полную дозу живой влаги, обретёт полную силу, а у меня при следующем появлении воды не хватит сил даже на то, чтобы быстро сунуть черпак в чашу.

«Всё, парень, ты отмучился! Теперь постарайся безболезненно сдохнуть», — именно с этой мыслью я схватил лежащий рядом черпак и отбросил его в сторону дюзы.

Но умирать не хотелось. Вдруг мой взгляд вернулся к черпаку, лежащему метрах в пяти от дюзы, и намертво зацепился за него. Чертыхаясь, я на четвереньках добрался до этой единственной вещи, напоминающей мне о моей цивилизации. Форма его неожиданно стала ассоциироваться с доменной печью, со сталеваром — ручным ковшом (вроде бы это называется тигелем), достающим расплавленный металл из печи для проведения анализа плавки. Наверное, появлению этой ассоциации способствовала нестерпимая жара, которая стояла даже в пяти метрах от дюзы, где я находился. Схватив своё единственное достояние, я отбежал подальше.

В мозгу сверкнула идея — нужно провести плавку. Только плавить не металл, а песок. Ведь стекло делают, расплавляя именно песок. Я не имею никакого оружия, так почему бы не сделать себе копьё — наконечник будет из стекла, древком послужит черпак. Я, конечно, не знал, расплавится ли от этой температуры песок, а самое главное — выдержит ли материал черпака такую высокую температуру. Не знал я и какие добавки нужны для выплавки стекла. Но всё это для моего воспалённого, обезвоженного мозга уже было не важно. Проведение этой плавки давало последний шанс, чтобы выжить мне и всему человечеству.